

Альберто Тозо Феи
**РИМСКИЕ
ТАЙНЫ**

ИСТОРИЯ, МИФЫ,
ЛЕГЕНДЫ, ПРИЗРАКИ,
ЗАГАДКИ И ДИКОВИНЫ
В СЕМИ НОЧНЫХ
ПРОГУЛКАХ

Альберто Тозо Феи
**Римские тайны. История,
мифы, легенды, призраки,
загадки и диковины в
семи ночных прогулках**

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69733210

*Альберто Тозо Феи. Римские тайны. История, мифы, легенды,
призраки, загадки и диковины в семи ночных прогулках: ОГИ;*

ISBN 9785942828073

Аннотация

«Римские тайны» Альберто Тозо Феи продолжают серию книг, начатую «Венецианскими тайнами» и посвященную секретной истории городов-жемчужин Италии. Если это и путеводитель, то не такой, как все остальные, он – мистический. Автор отправляется с вами в захватывающее и очень личное путешествие длиной в семь ночей на поиски иного Рима: таинственного и неизведанного, исполненного знаками, стертыми временем, но по-прежнему различимыми и окутанными тайнами. Вас ожидает уникальное погружение в скрытую жизнь Вечного города, в мир городских легенд, находящих свое подтверждение. Всего за семь прогулок рука об руку с историей и мифом

перед вами пройдут императоры и папы, призраки и герои народных преданий, говорящие статуи и неведомые создания, оживут достославные деяния, необычные факты и забавные байки, сойдутся вместе реальность и вымысел.

Содержание

Джанкарло де КATALЬДО. Предисловие	7
Первая ночь	9
Внезапный отъезд	12
Банковские истории	15
Граф Болванка, или Истинная «римкость»	20
Мимолетность ласк	26
Жало каменного языка	30
Секреты четырех рек	36
Дружная и сплоченная семья	43
Сикст V: характер – не сахар	47
Воскрешение на пробу	53
Никогда не летавший ангел	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Альберто Тозо Феи Римские тайны. История, мифы, легенды, призраки, загадки и диковины в семи ночных прогулках

ОГИ

* * *

*Великолепный и убогий город,
он дал мне представление
об этой жизни,
вовсе неизвестной; и даже объяснил,
что в каждом – целый мир.*

*Пьер Паоло Пазолини, «Плач экскаватора»
(перевод М. Визеля)*

Джакомо, давнему обладателю Рима

Оливиш, чья любовь открыла мне римские врата

* * *

Эта книга не была бы написана без помощи, соучастия, добрых советов и терпеливого внимания таких людей, как Барбара и Оливия Олигьеро, Ида Барберо, Розанна Бинакки, Бруно Боскин, Алессандра Чиньитти, Джанкарло де Кательдо, Джакомо дель Буоно, Лиза Марра, Симона Накамули, Мария Кончетта Петроло Пальярани, Джованни Пелиццато, Эмануела Пьовано, Денис Питтер, Джанфранко Пленцио, Алессандро Тозо Феи, Алессандро Ваккари, Мария Лукреция Вичини, Россела Водрет, Марко Вольини, а также компаний «NuovostudioFactory», «Officine Panottiche», мастерской «Studio Punto e Virgola» и ребят из «Webmaori».

Джанкарло де Катальдо. Предисловие

1

«Вот так задачка, Альберто!» – вырвалось у меня, когда я узнал про его намерение поведать публике о Риме или, точнее сказать, о его тайнах. То, что Тозо Феи способен гулять рука об руку с легендами, реликвиями, надписями, ведьмами, амурами, котами-чудодеями, заклинаниями, призраками и прочими аномалиями, я уже понял после его незабываемых прогулок по ночной Венеции; мы шли, и лагуна таинственно наполнялась образами другого измерения, словно в символистской новелле.

Еще бы! Ведь Венеция – его родной город и Альберто, хоть и выглядит сущим мальчишкой, живет здесь – лично или посредством «аватаров» – вот уже добрых пятьсот лет.

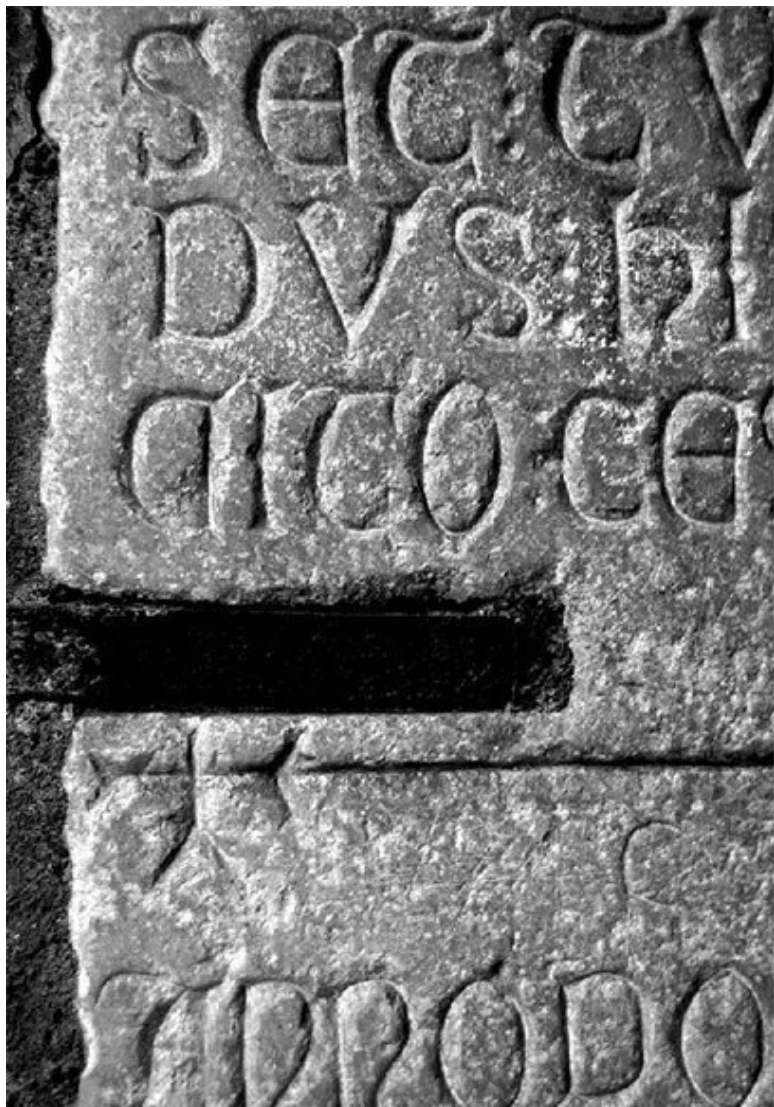
Но Рим?! Разве о нем еще не все сказано, написано и спето? Неужели под огромной шляпой-куполлом этой старой мадамы, «мамы Ромы», еще остались неизведанные уголки? Послушай, Альберто, ведь сотни риториков, начиная с авторов

¹ Джанкарло де Катальдо (р. 1956 в Таранто, Апулия) – юрист, сценарист и писатель-детективщик. Живет в Риме с 1974 года. В 2013 году стал членом жюри телешоу «Шедевр» – первого в мире телевизионного «конкурса талантов» в области литературы.

сатир I века вплоть до Гадды² и Пазолини (не говоря уже о Феллини!), расписали нам во всех красках итальянскую столицу. Ты ввязываешься в опасное предприятие. Что ж, посмотрим, как ты выкрутишься, *венецианец*... А потом я прочел эту книгу. Сначала с осторожным любопытством, потом не на шутку втянулся, смекнув, что тут важны не столько новые открытия, сколько характер повествования. Альберто сумел найти свой ключик: легкий и занимательный тон. Наметив, в духе туристических путеводителей, маршруты, он волшебным образом извлекает из сухого списка улиц массу возможностей для раскрытия глубинной сути Вечного города. В череде небольших городских приключений, как в его родной Венеции, обретают плоть и оживают колоритные фигуры правителей, императоров, пап, консулов, герцогов, кардиналов, прекрасных дам, художников, трибунов, певчих, простолюдинов и смутьянов, обессмертивших Рим. С каждой строкой уникальность Рима проступает все яснее. И мы понимаем, что это результат союза щедрой на традиции Истории, которая часто обескураживает (может, поэтому мы порой стараемся не смотреть ей в глаза?), и окутавшего ее Мифа, рожденного легионами римских верноподданных. Снимаю шляпу, Венецианец!

² Карло Эмилио Гадда (1893–1973) – итальянский писатель и поэт-экспериментатор, создатель собственного языка из классического итальянского и латыни, с сильной примесью римского жаргона. Наиболее показателен его роман «Пренебрежительнейшее происшествие на улице Мерулана (1957). (*Здесь и далее. – Примеч. пер.*)

**Первая ночь
БРУНО, ЦЕЗАРЬ, ЯЗЫК
ПАСКВИЛЯНА И МЁРТВЫЙ
ПАПА – ЖИЛЕЦ ЧУЛАНА
От моста св. Ангела до
площади Кампо-деи-Фьорис**

SACRUM

DIVISUM

CHOCCE

PRO

Итак, вас ждут семь маршрутов сквозь тысячелетия истории, возведенной на власти, на страстях, на крови; узнайте же жизненные перипетии женщин и мужчин разных эпох, вникните в их истории, разделите их мечты и тревоги. Императоры и папы, призраки и простолюдины, говорящие статуи и чудесные творения появятся в тех местах, где реальность сталкивается с воображением. Сами рассказы поведут вас, проложат маршруты. Сами герои, чудеса, древние и современные происшествия, подмигивая, будут наступать на вас там и сям, подначивая: «Подойди-ка сюда, послушай! Эта байка придется тебе по вкусу!» Возьмите город в сообщники – и вы сможете заметить на его камнях очертания и послания, свидетельства удивительного прошлого. Рим предстанет перед вами во всем своем величии, допустит в потаенные уголки души. Первый маршрут начнется от моста св. Ангела. Предлагаю встретиться на стороне маленькой площади Моста св. Ангела (*piazza di Ponte Sant'Angelo*), зажатой между набережными Альтовити (*Lungotevere degli Altoviti*) и Тор ди Нона (*Lungotevere Tor di Nona*), на фоне великолепной громады замка св. Ангела за рекой. Ваш путь проляжет через четыре района («риона»): Понте (мы в нем как раз находимся), Пинья, Парионе и Сант-Эустаккьо.

Внезапный отъезд

Смотрите: у основания моста (на который мы позже вернемся ради других прекрасных историй) стоят две статуи – апостолы Петр и Павел. С этой скульптурной группой связан забавный анекдот. Однажды утром 1581 года каменные фигуры вдруг «заговорили». Как мы увидим, так частенько случалось (и случается) с римскими статуями... Статуя апостола Петра была тщательно укутана в дорожное одеяние, не забыты были и сапоги. У пьедестала другой статуи стояла табличка: «Петр, уезжаешь?» Та же табличка, что свисала с шеи первого апостола, гласила: «Павел, соратник мой, хочу бежать из Рима, ибо не уверен, что Сикст, взявшись за пересмотр старинных тяжб, не решит заодно поквитаться со мной за отрезанное 1580 лет назад ухо придворного раба Малха в Гефсиманском саду».

Что же заставило святых вступить в беседу? А вышло так, что в те дни некому убийце по имени Аттилио Бласки, порешившему двоюродного брата с женой и двумя детьми, отрубили голову прямо под статуями апостолов. Правда, правосудие настигло злодея не сразу, а с отсрочкой... в 36 лет. В течение которых он жил во Флоренции. Пока Сикст V, чья жестокость стала притчей во языцех, не настоял, чтобы великий герцог Тосканский выдал преступника. Вот кто-то и позволил себе немного иронии по поводу судебных проволоч-

чек. Заслышав о беседующих на мосту апостолах, папа только руками всплеснул: «Вот ведь пасквинство!», сравнивая этот «пасквиль» с «речами» статуи Паскуино, о чем пойдет речь чуть позже.

Рионы, т. е. районы, Рима – свидетельство того, как крепка связь римлян с собственной историей. Это слово происходит от 14 «регионов», на которые император Август некогда поделил город. Но с ходом времени, по мере роста и слияния городских территорий, их количество изменилось, достигнув современного деления на 22 риона, закрепленного в 1921 году. Геральдические гербы, возникшие при реорганизации 1744 года, до сих пор различимы на углах многих улиц в центре города. Из современных рионов 19 расположены к востоку от Тибра и лишь три (Трастевере, Борго и Прати, буквально – «Затиберье», «местечко» и «луга») – к западу.

* * *

Следуйте по улице Банка Святого Духа (*via del Banco di Santo Spirito*), но остановитесь через несколько метров напротив Банковской арки (*Arco dei Banchi*) справа (дом № 47). Обратите внимание, что, помимо образа милосердной Мадонны под звездным сводом, там находится самое древнее свидетельство о наводнении Тибра 7 ноября 1277 года. Уровень воды на мраморной табличке указан резной горизонтальной линией, разделяющей надпись надвое. Дав-

ным-давно этот столп был частью старой церкви Сан-Чельсо-э-Джулиано (святых Цельсия и Юлиана), перестроенной в XVIII веке. Надпись гласит:

«Сюда добрался бурлящий Тибр, но вскоре отступил. Это произошло в год 1277 от Рождества Христова, шестого индикта, в седьмой день ноября, при пустующем престоле». Наводнение нахлынуло в тот момент, когда папское место действительно оставалась вакантным: Иоанн XXI преставился за несколько дней до того, а его преемника еще не избрали. Теперь вернемся на улицу Банка Святого Духа и, добравшись до здания банка с крестом и голубем на фасаде, свернем налево (за домом № 26), на Новую Банковскую улицу (*via dei Banchi Nuovi*).

Банковские истории

Новая Банковская улица (*via dei Banchi Nuovi*, буквально – «улица Новых лавок»³) получила свое название в 1606 году, после того как сюда, поближе к перенесенному в эти края Павлом V монетному двору банка Св. Духа, переселились флорентийские банкиры. С тех пор улицу, где они раньше действовали, стали называть Старой Банковской (*via dei Banchi Vecchi*). В банке, помимо прочего, можно было оставить на хранение деньги, правда без роста процентов. Тем не менее граждане охотно доверяли банку свои сбережения, зная, что в любой момент могут их забрать, предоставив простую расписку.

Жизнь здесь была ключом. Деньги текли рекой из различных источников. Разумеется, поблизости проживали самые прославленные римские куртизанки. Среди них – волнительная Империя, любовница банкира Агостино Киджи. Сам Рафаэль запечатлел ее на Парнасе в образе нимфы Галатеи в росписях виллы Фарнезина, что на улице Лунгара. Эта знаменитейшая из римских жриц любви сумела заманить в свой литературный салон таких высококлассных литераторов, как Маттео Банделло, Пьетро Бембо и Бальдассаре Ка-

³ Здесь действительно располагались многочисленные лавочки, в которых торговцы, банкиры, нотариусы, писцы и прочие дельцы разворачивали свою деятельность, пользуясь близостью к собору св. Петра.

стильоне. Ее дом был настолько богат и роскошен, что однажды посол Испании в ожидании, пока его примут, был вынужден плюнуть в лицо одному из собственных слуг, не найдя уголка, где бы он мог удовлетворить эту незначительную нужду.

Говорят, что призрак прекрасной Империи (не столь знаменитый, как другие римские привидения) до сих пор можно встретить бродящим по аллеям виллы Челимонтана. Красавица ищет там свои непогребенные останки, которые поместили было в пышную гробницу в церкви Сан-Грегорио-аль-Челио, но потом выкинули, чтобы предоставить место безвестному канонику.

На прилегающих улицах по преимуществу селились флорентийцы, подвизавшиеся здесь в качестве банкиров и счетоводов. А в доме № 3 жил архитектор Карло Мадерно. Бенвенуто Челлини тоже держал здесь свою мастерскую (он писал: «Мастерскую я держал в Банки, а домик у меня был позади Банки»). В его записках можно найти и следующее: «Мой дом и мастерская выходили спереди на Банки, а сзади возвышались на несколько локтей, потому что приходились со стороны Монте Джордано»⁴. Где-то неподалеку Челлини убил на дуэли своего соперника Помпео. В наши дни в память о великом ювелире здесь появился переулок Челлини (*vicolo Cellini*). Однако ранее он звался не иначе как «Калабрага» (буквально – «скидайштаны»)… А дело в том, что

⁴ Бенвенуто Челлини. Жизнь Бенвенуто Челлини. Пер. М. Лозинского.

изначально здесь селились так называемые «рубашечные» или «желтые» куртизанки, девки самого последнего разбора, которым было предписано носить этот цвет. В их числе – Паскуа Падована, Джулия Фиорентина и Анджела Грека, которую прозывали просто «гречаночка». Последней, правда, удалось переменить участь: как вспоминает Пьетро Аретино, благодаря красоте она пробилась в любовницы папского мажордома.

Куртизанки делились на две большие категории. Те, что побогаче, назывались «честными» («*honeste*»), а победнее – «свечными» («*alla candela*» или «*da lume*»), поскольку им выпадало обслуживать клиентов на задворках при свете свечи, отмерявшей время оказания услуг.

Несмотря на наличие в рионе крупной церкви Сан-Джованни-деи-Фьорентини, приходским храмом здесь всегда считали храм Санти-Чельсо-э-Джулиано.

Со ступенек храма зачитывались указы, и однажды именно отсюда было объявлено, что флорентийцам официально разрешается здесь – и только здесь – практиковать свою игру в мяч во время карнавала. На эту же лестницу выводились приговоренные к позорному столбу, а на главном алтаре где-то в конце XV века выставили на всеобщее обозрение тело Ренцо Колонны, обезглавленного после восстания. Его мать, войдя в церковь, схватила голову за волосы и так, с кровавой головой в руке, провозгласила проклятья в адрес Сикс-

та IV, потакавшего враждебному семейству – дому Орсини.

На Банковской улице (*via dei Banchi*) жил до своего окончательного переселения в Венецию литератор Пьетро Аретино. Здесь же неподалеку, в Трастевере, на берегах Тибра он ввязался в нешуточную потасовку с Акилле делла Вольта. Предметом спора стала некая служаночка, которую двое не могли поделить, и эта интрижка обошлась Аретино в пять ножевых ран. По мнению некоторых историков, «романтическая» распря была подстроена и речь шла о попытке заказного убийства. Заказчиком же выступал Джан Мария Жиберти, всемогущий глава папской датарии⁵. Таким образом он хотел избавиться от острого на язык «государева бича», испортившего ему репутацию. После случившегося Аретино стали еще больше опасаться при итальянских дворах, в первую голову при римском.

* * *

Продолжайте движение по Новой Банковской улице (*via dei Banchi Nuovi*) до площади Оролоджо (*piazza dell’Orologio*, буквально – Часовая). Название ей дали часы на башне монастыря ордена святого Филиппа Нери, расположенного неподалеку. Башенку с небольшой надстройкой-звонницей на

⁵ Датария – казначейское ведомство пап. По сути – министерство финансов папского государства.

три колокола возвел Франческо Борромини (1648), украсив ее по сторонам геральдическими бронзовыми звездами на двух столбах. На площадь выходит фасад палаццо Бенничелли, также творение Борромини, существенно перестроенное в конце XIX века. В этом доме родился в 1860 году Адриано Бенничелли, известный под прозвищем Граф Таккья, то есть «граф Болванка». Семья его издревле торговала древесиной, а «таккья» на римском наречии – деревянный клин или чурбан⁶.

⁶ Итальянский режиссер Серджо Корбуччи, представитель жанра т. н. спагетти-вестерна, в 1982 году снял одноименную комедию о нашем герое («Граф Таккья»), изобразив его как представителя «уголовной знати» с плотничьим прошлым, живущего за счет богатых наследниц.

Граф Болванка, или Истинная «римкость»

Разумеется, подобное прозвание его ничуть не радовало, он негодовал и жестко поносил насмешников на римском просторечье-романеско (что, разумеется, лишь подзуживало их), пока его возок, запряженный то парой, то четвериком, а то и шестеркой лошадей, угрожающе неся от площади Пополо по улице Корсо. Однажды его квадрига вторглась в самые недра кафе Араньо, вызвав немалые разрушения и возмущение посетителей. Передвигаясь в своей двуколке среди проклятий и рукоплесканий толпы, он одной левой стопорил уличное движение и обрушивал на любого, кто не успевал вовремя убраться с его пути, встречный шквал ругательств и тумачков, провоцируя вмешательства стражей порядка.

Главной мишенью его бесчинств были извозчики: как-то раз графа призвали к судебному разбирательству за оплеуху, отвешенную некоему водиле. Судья приговорил виновника к выплате 50 лир штрафа. Но тот, узрев самодовольную улыбку извозчика, мгновенно выудил из кармана банкноту в 100 лир и вlepил противнику еще одну оплеуху, округлив свой счет. В другой раз городской (в Риме их звали «пиццардоне») застиг охальника в переулке, когда тот орошал угол. Последовал штраф. Граф безропотно раскошелился, попутно осведомившись, придется ли повторить плату, если ему пря-

мо сейчас вздумается еще раз отлить. Страж ответил, что не придется. Тогда граф с лучезарной улыбкой пригласил прохожих тоже справиться нужду, раз уж все оплачено.

Когда пристало время, он тоже перешел в стан автовладельцев и приобрел авто в 20 лошадиных сил. Эта штуковина моментально стала грозой римлян. 12 октября 1904 года при попытке объехать карету, не задев лошадь, наш герой вылетел на тротуар, сбив фонарный столб. Разумеется, виновником был объявлен муниципалитет, который понатыкал фонарей на его пути.

Благородный титул не отличался древностью. В 1860-м папа Пий IX «пожаловал» его отцу Андреа, Филиппо Бенничелли.

Говорят, это произошло после того, как понтифик посетил семейное деревообрабатывающее предприятие, иронично заметив: «А вот и граф среди своих подданных!» Ответ оказался выдержан в лучших семейных традициях: «Ваше святейшество, граф я, конечно, липовый, зато подданные мои – самые настоящие!» В итоге Адриано Бенничелли смирился с плотницким прозвищем, поскольку именно оно принесло ему статус знаменитости. Он умер в 1925 году, будучи настоящей живой легендой.

Вот начало бесконечного, как бесчинства «графа Болванки», простонародного стишка про него:

Бенничелли Адриано – граф Болванка
был для римского народа как поганка.

Что ни день – свершал он подвиг лютой мести,
переполнен безобразьем и бесчестьем.
Обладал он хлесткой речью, люд клеймящей,
обернуться мог зверюгой настоящей.
От обиды сердце гневом обливало,
а из глаз очко монокля вылетало...»

На пересечении площади со Старой Правительственной улицей (*via del Governo Vecchio*) нас встречает образ Мадонны конца XVII века, скорее всего – творение одного из учеников Борромини. Под балдахином с бахромой и подвесками, в изысканном обрамлении предстает фреска «Богоматерь с младенцем». Вверху, над росписью, возносятся херувимы в лучах, а внизу ее словно поддерживают два прелестных длиннокрылых ангела, чьи движения подчеркнуты складками драпировки.

9 июля 1796-го, за считанные недели до вторжения французской армии в Папскую область⁷, многие Мадонны чудес-

⁷ Папская область (*Stato Pontificio*) – группа территорий в Центральной Италии, находившихся с 754 по 1870 год в светском владении пап. Размеры папских владений менялись в разные времена. Так, накануне распада Папской области в 1859 году в нее входили территории современных областей Лацио, Умбрии, Марке и отчасти Эмилии-Романьи, которые впоследствии примкнули к Сардинскому королевству. После эвакуации французов из Рима в 1870 году (с падением Второй империи) итальянские войска вступили в город, и Рим с остатками Папской области был присоединен к Италии. Однако факт упразднения Папской области был признан папой Пием XI лишь в 1929 году. Тогда были подписаны Латеранские соглашения, упорядочившие отношения светского итальянского государства со Святым престолом. В частности – провозглашено уникальное микространство Ватикан.

ным образом задвигали глазами. Этот феномен продлился три недели на глазах у тысяч свидетелей. Ватикан подтвердил по меньшей мере 50 случаев во всевозможных алтарях. Иногда, когда толпа во время шествий доходила до гимна «*Sancta Maria*», глаза мадонн двигались туда-сюда, сопровождая людской поток на улицах и площадях «смирненным любящим взором».

11 мая 1861 года в доме № 57 по Старой Правительственной улице (*via del Governo Vecchio*) были зафиксированы необъяснимые происшествия. Внутри сами собой летали тарелки, разбиваясь об стены, слышались сильные удары и прочие звуки, с кроватей срывались матрасы и кружили по комнатам. Семейство Тромба, живущее в беспокойной квартирке, после нескольких изматывающих дней в отчаянии обратилось к местному прелату, а затем в полицию. Те прибыли, но поделать ничего не смогли и, более того, сами стали свидетелями происходящего. Тромба покинули свое обиталище. Вскоре неприятности прекратились без всяких причин.

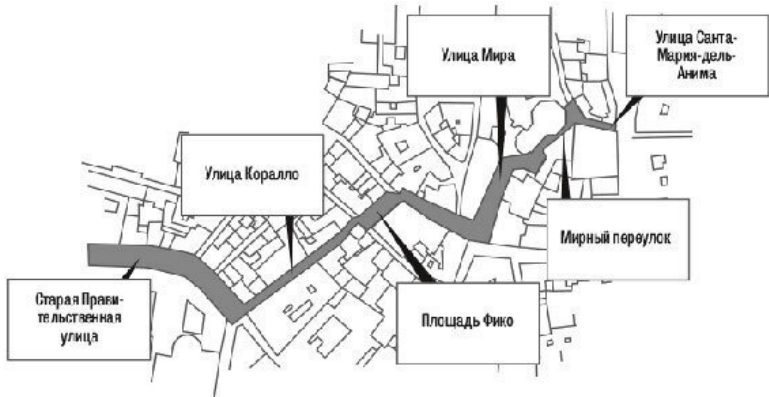
* * *

Теперь направляйтесь по Старой Правительственной улице (*via del Governo Vecchio*) до перекрестка с улицей Коралло (*via del Corallo*) и по ней продолжайте движение налево,

пока не окажетесь на небольшой площади Фико (*piazza del Fico*, буквально – Инжирная). Там, кстати до сих пор растет инжирное дерево. Пересеките площадь правее, по диагонали, до начала улицы Мира (*via della Pace*). Через несколько метров она приведет вас к повороту налево, к церкви Санта-Мария-делла-Паче, которую возвели в 1482-м по приказу Сикста IV в память о чуде. В этом месте древний образ Мадонны Мира (*Madonna della Pace*) после удара камнем закровоточил. Под впечатлением от явления папа дал обет: если заговор Пацци во Флоренции⁸, в который он тоже был замешан, не приведет к ожидаемой с содроганием войне, то он построит здесь храм в честь Богородицы.

Так и случилось. В середине XVII века архитектор Пьетро да Кортонна пристроил к храму барочный фасад наподобие театральных подмостков. В итоге здание активно «шагнуло» в пространство площади, наполнив его движением. Для создания этой асимметричной композиции было разрушено множество домов. Тем не менее перед нами – одно из лучших творений римского барокко.

⁸ Заговор Пацци – попытка свержения правящей (но некоронованной) династии Медичи, предпринятая конкурирующим семейством Пацци весной 1478 года. Удалась лишь отчасти, а фактически провалилась: во время торжественной мессы в кафедральном соборе Флоренции по случаю приезда кардинала Риарио (племянника Сикста VI) заговорщикам удалось убить лишь младшего из братьев Медичи, 25-летнего Джулиано, а старшему, 29-летнему Лоренцо, удалось вырваться, он жестко отомстил и правил еще 14 лет, до самой смерти.

Важным элементом церкви Санта-Мария-делла-Паче является так называемый дворик Браманте, созданный мастером в начале XVI века, в его первые годы работы в Риме. Внутри храма находятся фрески Рафаэля, завершенные Себастьяно дель Пьомбо после внезапной смерти урбинского живописца в 1520 году.

По правой стороне церкви проходит под сенью арок самый узкий переулок Рима: виколо делла Паче (*vicolo della Pace*, Мирный переулок). Прокрадитесь по нему и сверните вправо на улицу Санта-Мария-дель-Анима (*via di Santa Maria dell'Anima*, буквально – «Дева Мария души»). Остановитесь у дома № 16 по левой стороне (или № 17 согласно старой нумерации, существующей до сих пор). Прямо перед нами – окна палатцо де Купис. Чутьочку везения – и вам откроется волнующее и таинственное зрелище...

Мимолетность ласк

Именно здесь, за стеклом одного из окон, ночью в полнолуние, в свете бледного светила можно наблюдать взмах белейшей руки Костанцы де Купис. Ее трагическая история всплывает в памяти с восходом полной луны. На заре XVII века молодая и благочестивая Костанца из семьи Конти была выдана за представителя древнего рода де Купис.

Кроме прочего, наша дама обладала идеальной красоты руками – предметом воздыхания тогдашних трубадуров. Однажды скульптор Бастиано, (прозванный «алли Серпенти», то есть «змеиный», поскольку проживал на улице Змей, ит. «Серпенти»), попросил разрешения воспроизвести одну из рук Костанцы в гипсе.

Слепок женской руки был изготовлен наилучшим образом и выставлен на обозрение в мастерской автора, лежащим на бархатной подушечке под стеклянным колпаком. Из-за поразительной красоты каменная рука сразу стала объектом паломничества горожан и поклонников искусства. Как-то раз один из таких «почитателей», каноник храма Сан-Пьетро-ин-Винколи, после посещения руки воскликнул, что подобной прелести ручку могли бы и отрезать, принадлежи она живому человеку.

Замечание достигло ушей Костанции и повергло ее в ужас. С того самого дня она стала изнемогать от темных

предчувствий и жила в ожидании высшего наказания, как уступившая греху лести. И наказание не замедлило явиться: в один прекрасный день, когда женщина вышивала, она больно уколола палец. Заражение крови быстро распространилось на всю руку, та опухла и подверглась ампутации. Но это не спасло жизнь Костанцы. Горько оплакивая потерю, дама вскоре скончалась. Эта история постепенно обрела черты легенды. Согласно римской народной традиции, и по сей день, по прошествии многих веков, в ночи полнолуния рука, ставшая причиной стольких бед, шлет свой жемчужно-белый привет прохожим из окна дворца де Купис.

Надо сказать, что Бернардино де Купис перевез свое семейство из родного Монтефалько в Рим около 1462 года. Его сын Джандоменико стал, судя по всему, секретарем папы Юлия II, а потом занял архиепископское кресло в г. Трани. Затем в 1517-м он стал кардиналом и первым заселился в этот дворец, который сразу решил кардинально изменить. Скорее всего, именно он заказал объемный барельеф с родовым гербом: козел, вставший на дыбы. Скульптурная диковинка хорошо видна над порталом главного входа.

* * *

Наш путь продолжается вдоль улицы Санта-Мария-дель-Анима до небольшой площади Паскуино (*piazza del Pasquino*) с самой знаменитой «говорящей» статуей Рима, да и, пожалуй, всей Италии. Вам не составит труда найти ее, ведь поблизости нет иных памятников...

Жало каменного языка

Откуда взялось имя «Паскуино», остается только гадать. Предположений чрезвычайно много. А затем и сама статуя на высоком постаменте дала название близлежащей площади. Одна из расхожих версий повествует о некоем портном по имени Паскуино, державшем поблизости мастерскую. Этот парень прославился редкостным злоязычием, а его лавка считалась местом сходок злопыхателей и кляузников, охочих до обсуждения тех или иных политических фигур. После смерти портного здание мастерской разрушили, и – о чудо! – в 1501 году под ним обнаружилась статуя, ранее скрытая за дворцом Орсини. Потому-то на постаменте и стали появляться сатирические стишки и эпиграммы, с помощью которых народ подтрунивал и анонимно высказывался против власть имущих своей эпохи. Паскуино стал родоначальником своеобразного «Сообщества остряков»: группы так называемых «говорящих статуй», которые в Риме на протяжении столетий обращались к властям от лица простых смертных. Позвольте представить почетных членов сообщества. Это Мадам Лукреция, Марфорио, Носильщик-Факкино (с улицы Лата, по мнению некоторых – вылитый Мартин Лютер) и Аббат Луиджи. Вот уже пять веков гневные и ироничные пассажи-«пасквинады» задевают за живое многих публичных и влиятельных персонажей. В прошлом по-

добной чести «удостаивались» в основном папы – именно против них был обращен недовольный глас народа. Сегодня достаточно вооружиться тубиком клея и листком бумаги – и критикуйте кого угодно.

Но раньше пасквинады выражались в форме табличек и сатирических манифестов, которые под покровом ночи вывешивали на шею Паскуино и остальных «говорящих» статуй «Сообщества остряков», чтобы на следующее утро все их могли прочесть до прихода полиции, зачищавшей место преступления.

Как раз в XVI веке, начиная с Паскуино, не только в Риме, но и в других городах Италии и Европы распространился обычай «разбалтывать» статуи с помощью картушей и листков с эпиграммами. На некоторое время Паскуино, по обыкновению «общавшийся» с Марфорио (лежащей статуей Океана, ныне упрятанной в Капитолийские музеи), вдруг стал напрямую обращаться к своему венецианскому «соратнику», статуе Горбуна с Риальто. Горбун впервые подал голос благодаря Пьетро Аретино, автору антипапских сатирических сочинений, сбежавшему в Светлейшую из Рима после восхождения в 1532 году на ватиканский престол Адриана VI Флоренца.

Когда Климент VII Медичи⁹ скончался после долгой болезни, на шее Паскуино появился портрет врача, виновного в папской агонии. Однако поскольку нравственность пациента

⁹ Незаконнорожденный сын вышеупомянутого Джулиано.

оставляла желать лучшего, а римляне не особенно жаловали Климента, под портретом медика возникла следующая надпись: «Вот тот, кто поистине искупил мирские грехи». Так Паскуино выжил в веках, несмотря на то, что кое-кто из пап намеревался сбросить статую в Тибр. Однако этот поступок наверняка спровоцировал бы волну еще более жгучей и «отвязной» сатиры. Даже ночные дежурства не могли укоротить каменный язык грозного античного воина. Что уж и говорить о фашистском режиме! По случаю визита Гитлера в Рим в 1938 году Паскуино разразился следующим пассажем, высмеивающим избыточную пышность готовящихся торжеств, на недели охвативших город: «Бедный мой Рим, травертиновый город, / Весь ты картоном закрыт и распорот, / Чтобы порадовать взор маляра...»

Статуя Паскуино, чьи лицо и конечности не сохранились, является фрагментом эллинистической скульптурной группы ок. III в. до н. э. Вероятно, это фигура Менелая над умирающим Патроклом. Судя по всему, в древности она украшала стадион Домициана, ныне уступивший место Пьяцца Навона.

Слева от статуи, если стоять к ней лицом, начинается улица Паскуино (*via di Pasquino*), которая приведет вас прямоком на великолепное блюдо площади Навона. Это, пожалуй, самая красивая барочная площадь Рима, излюбленное место встреч и развлечений. Она сформировалась на месте стадиона, построенного по указу императора Домициана в 86 году

для всевозможных состязаний. В древности здесь проходили настоящие морские бои, «навмахии». И сегодня формы площади напоминают об античной арене. С течением столетий она продолжала быть излюбленным местом празднеств, игр, скачек, турниров и театральных представлений. Между XVII и XIX веками здесь вновь возродили традиции «морских битв». В дни этих действий сливные отверстия возведенных в XVII веке фонтанов специально перекрывали и площадь заполняли водой. Кареты князей и кардиналов с приделанными спереди носами различных судов проносились среди шума вод и рукоплесканий толпы.

Сегодня площадь носит имя Пьяцца Навона, а изначально называлась – «ин Агоне», как раз в честь тех самых древних состязаний-агонов. Однако со временем людская молва стала по-

своему переименовать историческое название. Оно превратилось в «н'агоне» и постепенно дошло до «Навоны».

Одну из сторон площади почти полностью занимает громадный дворец семейства Памфили. Перед его парадным входом словно вросли в землю две колесоотбойные тумбы с очертаниями голубок с оливковыми ветвями в клювах. Говорят, их переместили сюда от древней базилики св. Петра, разобранной перед началом нового строительства Браманте.

Секреты четырех рек

Лоренцо Бернини и Франческо Борромини были величайшими зодчими и скульпторами в Риме XVII века, где они исполняли заказы разных пап и знатнейших семейств. Те, в свою очередь, обеспечивали им признание и почет на десятилетия. Разумеется, это разжигало сильнейшее противостояние между творцами, перераставшее в настоящие «архитектурные войны». Площадь Навона стала ареной одной из таких баталий.

Центральный фонтан ансамбля, названный фонтаном Четырех рек, был спроектирован Бернини в 1648-м и завершен в 1651-м. Заказ поступил от папы Иннокентия X Памфили, который в союзе со своей невесткой (женой брата) Олимпией Майдалькини полноправно распоряжался площадью, где уже царил их фамильный дворец. При выборе автора фонтана понтифик был сражен простотой и эффектностью глиняной модели Бернини, который таким образом перехватил обещанную Борромини работу на стадии эскиза. Более того: Бернини удалось завоевать папскую милость и обеспечить дальнейшие привилегии в свою пользу. Мастер даже позволил себе игривую выходку в день торжественного открытия фонтана, показав его совершенно сухим. Только когда раздосадованный папа собрался покинуть площадь, мастер знаком приказал выпустить струю воды. «Подарив нам это неждан-

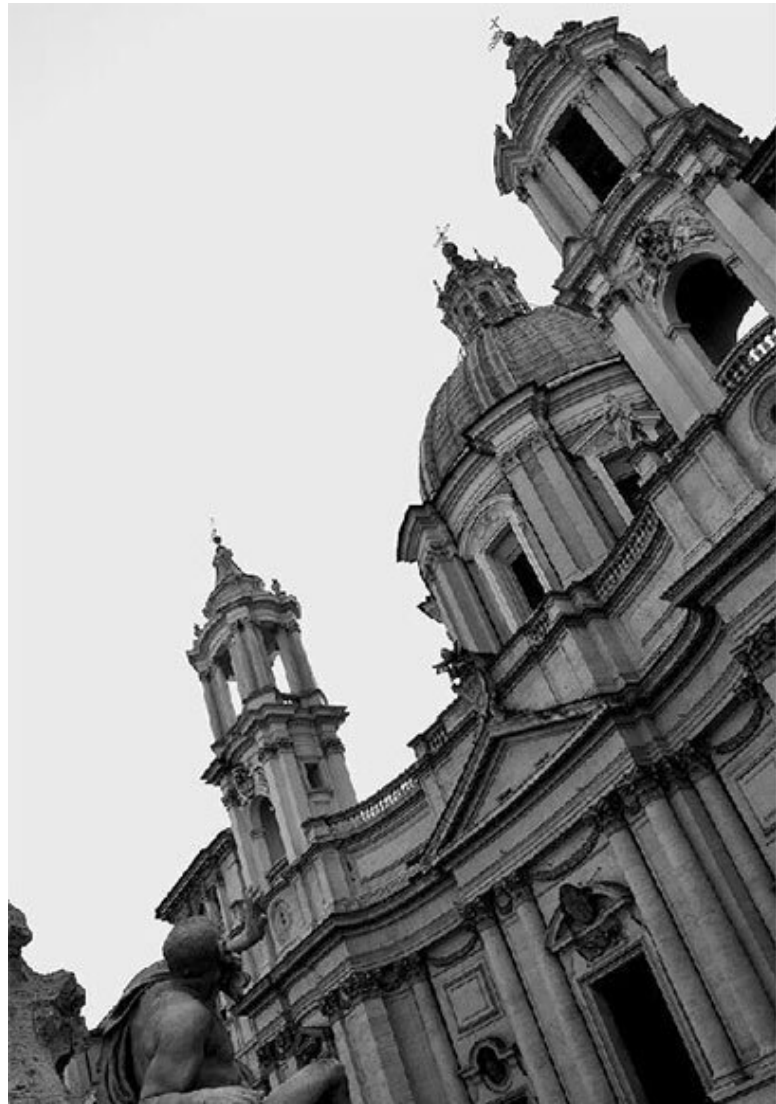
ное веселье, – воскликнул Иннокентий, – вы подарили нам еще добрых лет десять жизни!» Но бедняга рано радовался. Смерть настигла его через четыре года.

Замысел Бернини состоял в том, чтобы наглядно воплотить в мраморе метафору Милости Божией, изливающейся на четыре известных тогда континента. Композицию венчал обелиск, римская стилизация эпохи Домициана под Египет. Его обнаружили в 1647 году на территории цирка Максенция на Аппиевой дороге. Вершину обелиска предполагалось украсить голубем Святого Духа. Четверо гигантов на скалах у его подножия воплощают четыре самые протяженные реки в мире, по одной на континент: Дунай, Нил, Ганг и Ла-Плата.

Разумеется, с момента создания монумента в статуях стали находить связь с творческим поединком Бернини и Борромини. Это было неминуемо, раз уж напротив оказалась церковь Сант-Аньезе-ин-Агоне¹⁰, исполненная Борромини по воле того же папы Памфили. Статуя Ла-Платы, как считают римляне, воздевает руку вверх, опасаясь, что здание вот-вот обрушится, а Нил спрятал голову под покрывалом, не желая смотреть на устрашающую громаду. На самом деле, жест Нила значит другое: истоки африканской реки в те времена были еще неизвестны, так что покрытая голова в данном случае символизирует тайну происхождения. Все равно

¹⁰ Распространенная версия о том, что жест Ла-Платы направлен против творения Борромини, сегодня опровергнута, поскольку Борромини вел строительство с 1653 по 1657 год, когда Фонтан четырех рек был уже завершен.

похоже, что Бернини специально развернул фигуры в разные стороны от храма. Борромини, как увидим, тоже зря времени не терял. Смотря на фасад, обратим внимание на его святую Агнессу на постаменте близ правой колокольни базилики. Праведница прижимает руку к груди, словно горячо заверяя диких громил, что благодаря ее вере церковь непременно устоит!

Сразу после открытия фонтана Борромини и его сторонники выдвинули массу упреков в отношении «мокрого дела» папского фаворита: что мол, полая конструкция в основании фонтана не выдержит тяжестиobelиска и автора вскоре ждут серьезные тектонические проблемы.

Последовала шутливая реакция Бернини и помощников. Однажды утром он прибыл на площадь с командой помощников и очень серьезно, деловито закрепил скульптурную группу крепкими стяжками из... простой бечевки.

Даже Древнему Египту и его тайнам нашлось место среди удивительных сплетений символической программы фонтана. В самом низу, у подножия иллюзорных скал, можно узреть флору и фауну четырех континентов. При этом изображенные здесь животные свидетельствуют о недюжинных познаниях Бернини в египтологии, почерпнутых из трудов Атанасиуса Кирхера. Этот немецкий иезуит прославился своими штудиями иероглифов, провозглашая преемственность христианских чудес от древнеегипетской мистики. Некоторые представители фонтанной фауны близки пантеону египетских божеств. Таков лев, символ солнечной силы и священное животное Осириса. По легенде Осирис погиб по вине хитрого брата Сета, чей символ – бегемот. При этом «гиппопотам» в переводе с греческого означает «речная лошадь». И вот в скалах фонтана, с другой стороны от льва, среди вод появляется огромный конь. Завершают зве-

риную тему морское чудище (крокодил) и небольшой дракон, спрятавшийся в тени фигуры Ла-Платы. Крокодилообразный зверь к тому же мог напомнить современникам чучело американского броненосца, свисавшее с потолка в домашнем музее ученого иезуита.

Фонтан Мавра в южной части Пьяцца Навона обязан своим названием каменному герою, который держит за хвост дельфина, изрыгающего воду. Скульптор Джованни Антонио Мари изваял статую в 1654 году по эскизу Джанлоренцо Бернини, в свою очередь продолжившего дело мастера предыдущего столетия, Джакомо делла Порта. Пластика фигуры действительно может отдаленно напомнить африканскую. Именно из-за этой особенности фонтан сразу получил запоминающееся имя и до сих пор его сохраняет. С другой стороны, считается, что при работе над лицом Мавра и его позой Бернини вдохновлялся формами статуи Паскуино, стоявшей по соседству.

Итак, папа Иннокентий X и его невестка Олимпия Майдалькини оказались настоящими творцами одной из прекраснейших площадей Рима, которая до сих пор хранит следы их присутствия. Могущественная донна Олимпия, речь о которой пойдет позже, настолько ненавистна римлянам, что после смерти папы ей пришлось бежать, прихватив с собой часть сокровищ, нажитых за годы интриг при папском дворе. Благодаря ей и сыну, тело понтифика несколько дней пылится в одном из чуланов Собора св. Петра среди мотков

веревки и прочих хозяйственных мелочей.

Дружная и сплоченная семья

«Папа не предан земле, потому что некому заплатить за похороны. Дон Камилло клянется, что не получил ни сольдо от его святейшества и делом занимается донна Олимпия. Та отрицает, что является наследницей. В итоге его святейшество вынужден прозябать в темном углу какого-то сарая». Эти слова флорентийского посла записаны сразу после смерти Иннокентия X. Всего несколько строк, но их достаточно, чтобы дорисовать в воображении всю картину. Дон Камилло, упомянутый дипломатом, – это как раз Камилло Памфили, сын Олимпии Майдалькини. Бросая вызов всемогущей матери, он отказался от подарка дяди, кардинальского места, чтобы жениться на другой Олимпии – Альдобрандини, вдове вельможи Паоло Боргезе.

«В воскресенье вечером, – пишет анонимный летописец, – <...> величественные останки так и не были преданы земле, ибо гроб для тела оказался не готов и никто не возжелал потратиться на похороны <...> Поэтому неудивительно, что на следующий день толпа породила тысячи обвинений в скаредности в отношении членов семьи, что пожалели сотню скудо на захоронение тела своего папы. Папы, который не побоялся распотрошить казну церкви, чтобы озолотить каждого из них».

Долг папы Иннокентия X, подсчитанный Апостольской

палатой, оказался поистине огромным: 8 миллионов 600 тысяч скудо. После традиционного трехдневного ритуала прощания с телом, не найдя подходящего гроба и места для временного «хранения» в какой-либо сакристии, бедный Джованни Баттиста Памфили оказался в сырой мышастой подсобке, где хранились «разного рода веревки, железный и плотницкий инструмент и прочие орудия подмастерьев».

В итоге обеспечить плохонький гроб вызвались два папских мажордома (один из которых плюс ко всему был некогда уволен понтификом). «Таков великий урок папам, – заключает очередной летописец, – не следует ожидать ответного расположения от родни, ради которой порой приходится рисковать честью и добрым именем». Наш Паскуино тоже не удержался и ввернул словечко для донны Олимпии: «Пастырь умер, – читали прохожие на висящей на статуе табличке, – а нам осталась корова».

За великолепием шедевров на площади Навона практически невозможно углядеть крохотную мраморную головку на стене между окнами третьего¹¹ этажа дома № 34. И все же, как обычно бывает, она вмурована туда неслучайно. Ее история связана с суровостью понтификата Сикста V. Он продлился всего пять лет, но оставил неизгладимый след в ис-

¹¹ В Италии отсчет этажей сдвинут на один относительно российского. То есть наш первый этаж считается цоколем, вестибюльным этажом, второй – это итальянский первый и так далее.

тории Рима и его церкви.

Сикст V: характер – не сахар

В тот вечер папа Сикст V, сняв церковные облачения и сев в лишенную каких-либо опознавательных знаков карету, выехал из ворот своего дворца, чтобы совершить очередное «путешествие» инкогнито по улицам Рима. С какой же целью? Чтобы лично послушать глас народа и узнать, что о нем люди болтают.

XVI век подходил к концу, и Феличе Перетти (именно таково было его мирское имя) на тот момент пребывал на папском престоле всего несколько лет. В кратчайшие сроки ему удалось провести административную перестройку церковного аппарата и вывести на новый виток решение вопросов духовной сферы. Он строил дороги и дворцы, поднимал обелиски, лежащие в забвении веками, повесил десятки преступников. Однако вся эта деятельность, сопровождаемая к тому же введением новых налогов, подвергалась нешуточной критике. Папа терпеть не мог, когда ему перечат, и яростно подавлял недовольство. Но этим дело не ограничивалось. Его святейшество хотел убедиться, что простой люд его уважает...

В тот памятный вечер местом визита была выбрана площадь Навона. После бесполезных попыток разобраться в мнениях жаровщика и конюха, с которыми был заведен разговор, наш тайный агент решил пропустить бокальчик вина

в местной харчевне. Но и от этого проку оказалось мало. На свои вопросы он получал лишь уклончивые ответы: страх был слишком велик, чтобы свободно болтать с незнакомцем.

Сикст V это подозревал, но молчание запуганного люда его не устраивало. Во что бы то ни стало он хотел выведать, что на самом деле думают римляне о своем пастыре. Его вывел из задумчивости вопрос трактирщика: «Что тебе подать, чужестранец?» Сикст восторженно воскликнул: «Полкувшинчика красного „Колли“ за здоровье папы!» В остерии повисло молчание, но хозяин не придавал этому значения и ответил: «О здоровье папы пусть его личный врач печется... Только лучше бы тот однажды наломал дров и отправил хозяина к праотцам.

Да, видать, впустую мои надежды: дурная трава почему-то не усохнет». Затем трактирщик спустился в подвал и вернулся с заказанной посетителем емкостью в четверть литра, введенной в обиход совсем недавно. Сикст V опрокинул содержимое в дорожную флягу и спустя какое-то время заказал еще четвертушку, а потом еще и еще, заставляя хозяина наполнять мелкий кувшинчик... Язык трактирщика постепенно развязался, и он стал вскоре костерить новую систему мер и ее учредителя.

«Откуда такая упорная ненависть? – раззадоривал его Сикст. – Возьми хоть меня: я прибыл к Тринита-деи-Монти по новой верхней дороге, страда Феличе¹², переименованной

¹² Буквально – «счастливая дорога».

в честь понтифика. Это ли не прекрасно?»

«Прекрасная она или ужасная, а только сдается мне, что единственный счастливец в городе – это сам папа и есть. За улочку ту мы платим из своего кармана, налогом обложены вино и торговые разрешения. А ему все мало! Жрет, пьет,obeliskов пару взгромоздил... а о бедном народе кто позаботится? Папа тебе полюбился? А иди-ка к нему и попроси бокальчик вина, если не боишься, как он с тебя сдерет три шкуры – и за бухло, и за стекло!» И с этими словами схватил Сикста и под улюлюканье посетителей выставил за порог заведения.

На следующее утро трактирщик, открывая заведение, обнаружил, что за ночь прямо перед дверью вырос эшафот. «Хорошенькое дельце, – подумал он про себя, – похоже, сегодня все соберутся поглазеть на казнь бедолаги». И, пока суд да дело, стал выносить наружу столики и подметать мостовую перед входом. Однако имени приговоренного никто не знал, пока в трактир не зашел палач с помощником. «В чем дело?» – спросил хозяин, учуяв недоброе. «А в том, что сегодня – твой черед!» – «Мой?! Чем же я провинился?» – «У папы спроси. Он навещал тебя вчера вечером». И через считанные минуты по бульжникам уже катилась непутевая голова.

Хозяева окрестных заведений, не осмеливаясь восстать в открытую, решили установить в память о произошедшей с их товарищем трагедии особый знак. Они вмуровали слепок

его лица в стену дома, да повыше, чтобы он всегда мог созерцать площадь, напоминая окружающим, что не стоит откровенничать с незнакомцами.

Как-то раз город облетела новость о том, что закровоточила деревянная статуя Христа. На место происшествия устремились тысячи людей, к радости хозяина чудотворной земли, почуявшего аромат денег. Новость проникла в покои Сикста V, решившего взглянуть на диво своими глазами. Оказавшись перед статуей, папа приказал принести топор и со словами: «Христа я почитаю, но дерево разрубая» нанес сильный удар по фигуре, разрубив ее надвое. Внутри обнаружилась губка, смоченная кровью домашнего животного. От нее тянулась веревка, за которую можно было дергать: губка сжималась, и из статуи прыскала кровь. Хозяина «чудотворной» земли немедленно казнили, а легендарный случай лег в основу следующей поговорки: «Будь ты хоть Иисусом с виду, папа Сикст себя не даст в обиду».

На короткой стороне площади, откуда вы пришли, отыщите улицу Кукании¹³ (*via della Cuccagna*) и идите по ней,

¹³ Речь идет о знаменитой в европейском средневековом фольклоре и живописи (см. Питер Брейгель Старший) вымышленной стране, где жизнь проходит в праздности, текут винные реки, дома построены из пирожных и сахара, запеченные в тесте жаворонки падают в руки с неба, а лавочки бесплатно раздают прохожим всевозможную снедь. В разных языках она называется по-разному: Кукания, Кокань, Коккейн или Шларэффенленд. В русском фольклоре Кукании соответствует Страна молочных рек и кисельных берегов.

пока не свернете налево, в переулок Кукании (*vicolo della Cuccagna*). По пути не упустите случай взглянуть на прекрасное средневековое строение с балкончиком (жилой дом № 13В). Спустя несколько метров вы у цели – по правую руку открывается площадь Массими (*piazza de' Massimi*).

Улица и переулок Кукании по названию напоминают нам об игре в «Дерево лентяев», затеваемой два раза в год на площади Навона. В дни таких праздников в землю втыкался гладкий, покрытый жиром шест с болтающимися наверху куриными тушками и прочей снедью. Получал этот питательный приз тот, кому удавалось вскарабкаться ввысь и ухватить желаемое.

На площадь выходит восхитительный фасад палаццо Массимо, построенного в XV веке Бальдассаре Перуцци на развалинах театра Одеон времен Домициана.

Одна из древних колонн до сих пор высится в центре площади. Говорили, что род Массимо, один из древнейших в Вечном городе, ведет свое начало от Квинта Фабия Максима, легендарного освободителя Рима от карфагенян. Однажды Наполеон Бонапарт спросил у самого князя Массимо, так ли это, на что получил следующий ответ: «Доказательств я представить не сумею, но мы в семье спорим об этом вот уже больше тысячи лет...»

Здание известно также как «дворец Пирра», поскольку при раскопках под его фундаментом была найдена статуя Марса, сперва принятого за Пирра. Как известно, эфирский

полководец Пирр прославился в истории тем, что понес страшные потери от римской армии в сражении при Аускуле в 279 году до н. э. С тех пор выражение «пиррова победа» означает триумф, равносильный поражению. В 1532 году в честь празднования бракосочетания Анджело Массимо и Антониетты Планка Инкоронати фасад дворца украсили монохромными росписями со сценами из Ветхого и Нового Завета, сохранившимися до сих пор. У дома имеется и третье название – «дворец Чуда», благодаря невероятному происшествию 16 марта 1583 года.

Воскрешение на пробу

Князь Фабрицио Массимо был очень привязан к Филиппо Нери, впоследствии причисленному к лику святых. Жизнь аристократа была печальна. Давно умерли жена и дочери, а два месяца назад заболел сын Паоло и находился между жизнью и смертью. Аббат Филиппо Нери навещал мальчика ежедневно. Но когда тот преставился, святой отец вел службу и поспел к изголовью Паоло Массимо слишком поздно. Будущий святой обнял подростка и воззвал к Богу в жаркой молитве. Затем окропил бездыханное тело святой водой и назвал отрока по имени.

В тот самый миг Паоло открыл глаза и несколько минут разговаривал со священником, отвечая на вопросы последней исповеди. Когда святой спросил, хочет ли он вознестись на небо и поприветствовать мать и сестер, мальчик кивнул и, просветленный, уснул спокойным сном навечно.

Во дворце Массимо в 1476 году размещалась первая римская типография во главе с немецкими учеными Арнольдом Паннартцем и Конрадом Швейнхеймом. Кроме прочего, здесь были напечатаны «Письма к близким» Цицерона («*Epistulae familiares*») и «О Граде Божием» святого Августина («*De Civitate Dei*»). На томах значилось: «*in domo Petri de Maximis*», то есть «издал Пьетро из дома Массимо».

* * *

Теперь предлагаю направиться по улице Сан-Джузепе-Калазанцио (*via di San Giuseppe Calasanzio*), не забыв взглянуть на любопытную мраморную табличку на углу площади. Она до сих пор красноречиво (и по-прежнему безрезультатно) призывает не сорить¹⁴. Поворачивайте направо на проспект Ринашименто (*corso del Rinascimento*) и идите до площади Сант-Андреа-делла-Валле (*piazza di Sant'Andrea della Valle*), обустроенной перед одноименной церковью.

¹⁴ Подобные противомусорные воззвания распространились в Риме в XVIII веке и получили название «мусорных табличек» (на старом ит. наречии *targhe dei mondezzari*, «мондеццари»). Их вмуровывали в стену на углах домов в местах, где особенно сорили (старом ит. *fare il mondezzaro*). В послании обязательно фигурировала дата и имя префекта округа, следившего за порядком.

Никогда не летавший ангел

С первого взгляда несложно уловить черты странной асимметрии на фасаде храма. Так и есть: крупный ангел наверху слева не имеет скульптурной пары с противоположной стороны. И мало того! Присмотритесь хорошенько к небесному созданию: одно из крыльев как-то неловко подвернуто, что придает ему вид забулдыги, подпирающего фонарный столб. Так задумал в свое время архитектор Карло Райнальди. Мастер осмелился тем самым вступить в полемику с предыдущими творцами церкви: Пьером Паоло Оливетти, начавшим работу над проектом церкви в 1591 году, и Карло Мадерно, заступившим на строительство в 1608 году для возведения второго крупнейшего после Собора св. Петра купола. Райнальди, пренебрегая трудом предшественников, говорил повсюду, что сохранить неудачный фасад от обрушения может лишь поддерживающая его ангельская фигура.

Однако скульптура вызвала всеобщее раздражение, и даже папа Александр VII выступил с недвусмысленной критикой. Обиженный автор фигуры Козимо Фанчелли (некоторые, правда, утверждают, что это был Эрколе Феррата) ответил папе, что если тому понадобился второй ангел (а он изначально предполагался) – то пусть займется им сам. Так ангел базилики Сант-Андреа-делла-Валле остался без близнеца. По словам Паскуино: «Ему бы хотелось по небу кружить, да только подпоркой придется служить». В этой церкви покоится прах прелата, монсеньора Джованни делла Каза, автора «Галатео»¹⁵

¹⁵ Именно от названия этого труда 1551 года (*Galateo overo de' costumi*, то есть «Галатео, или О нравах», напечатан в 1558-м) происходит современное слово «галантный» и все производные от него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.